

I. Энн

Зеленоглазая Энн
с ногами, подобными башенным кранам в порту,
с такими ногами,
что если на каждый палец
повесить
 бетонный блок,
эти блоки будут качаться в космосе
как десять бетонных галактик —

Энн берёт телефон,
набирает Лору.
— Алло, — отвечает Лора.

— Ты слышала новость? — Энн говорит,
— Ноги теряют в цене.
В моду входят
перепонки и жабры.

— И как твои жабры? — спрашивает Лора.
— Кошмар, — отвечает Энн. —
Давят под рёбра, мешают дышать,
а врач говорит: потерпи.

— И мой советует мне смириться,
ибо грядёт
время великих дождей.

Вздыхают и смотрят на небо.

Энн наконец отбрасывает трубку.
Стягивает платье.
Её пальцы скользят
но луновидным костным пластинам,
разрезающим тело.
Они похожи на осколки
перламутровых раковин,
на застывшие лепестки
каменной розы.

— Как я прекрасна, — думает Энн.

— Как я прекрасна.

II. Алёна

Я не приехала к ней на похороны.
А ведь могла в этот день
прыгнуть в «Сапсан».
Крикнуть на весь мир: плохо мне, плохо мне,
взять бюллетень.
Разослать по всем адресам
сообщения:
«Ваш врач не придёт на работу,
слышите, вы,
ничтожные, нудные люди?»
Сказать пациентам:
«Пропадите вы пропадом,
мой поезд сегодня идёт до Москвы».

Мой поезд прибудет в восемь утра,
на Ленинградский вокзал
(туда, где когда-то на шпиле качалась звезда).
Мой поезд идёт до большого костра.
На огне закипает казан,
плавится сковорода.

Мой поезд сегодня один на трассе.
Качая мёртвую головой,
в моём поезде едет полковник Васин

со своей молодой вдовой.
Летит в огонь под апрельским снегом
в скупом фонарном луче
Джон Донн с неспящим своим ковчегом
и с демоном на плече.

Я знаю этого демона: тупая сволоочь,
это он заблокировал карту Сбербанка,
это он повёл меня Петроградской стороной,
это он скупил все билеты на поезд.

Поезд для прокажённых.

...сидит, гад, серыми пальцами царапает шею бедняге Джону.

Алёна говорит мне: балда,
какого хрена ты с ним связалась.
Он ещё душу с тебя потребует,
и всего-то за дурацкий поезд.

Ну да, заплатила.
Мне показалось, билет мой стоил гроши.
Говорят, что у женщины нету души.
Выходит, тот демон ничего не выиграл.

Алёна качает головой
и называет меня мошенницей.
Сразу, как приеду,
она скажет мне это в глаза.

Пусть она
наконец-то меня
отругает,
сразу,
как поезд причалит
к большому огню.
Я не приехала вовремя,
но я купила билет,
и я обязательно её догоню.

III. Яндекс-еда

У Тани по жизни расклад простой.
Таня работает Яндекс-едой.
Носит заплечный короб прямоугольный.
В целом — довольна.

График — понедельник, вторник, среда
и пятница. В любой точке города, отдельно взятой,
ходит Яндекс-еда.
И на первый этаж прибудет,
и на десятый.

Ноги идут, спина несёт,
а вот это вот всё —
чулки, каблуки, макияж —
попробуй на хлеб намажь.

А то, что люди зовут её:
«Яндекс-еда, иди сюда» —
это чистая правда,
так было всегда,
одни заказывают,
других едят.
Уран пожирает детей,
братом обедает брат,
сосед соседом,
таков закон.

Метро глотает людей,
плотным комком
цветная пережёванная толпа
ползёт по эскалатору-пищеводу.

Но Таня в Москве не пропадёт,
не должна пропасть,
потому что Таня
наконец-то нашла
работу.

IV. Богиня Лэпа

Богиня разрубает небеса
стальным коленом,
башенной опорой.
Богиня, мать железных бодхисаттв
могильным светом
дышит в мониторы.

Её тоски ничто не омрачит.
Она несёт уныние как щит,
и ветер в плексиглассовой короне
шипом из головы её торчит.

Стоит, как алюминиевый тростник,
удерживает радужное пламя.
Стоит, как раскалённый колосник,
врастает в землю четырьмя скалами,

и чёрного скелета красота
скрывает очертания креста.
Пробоина меж рёбрами зияет,
и тянутся оттуда провода.

И тянутся оттуда поезда,
и тянутся, и тянутся до неба.
Фонарь, рефрижератор и плита,
все молятся тебе, богиня Лэпа.

А я ещё как дочь тебя люблю,
как ось твоей гудящей колесницы,
как в поле электронная частица,
пою судьбу великую твою.

V. Бабушка

Бежали по Староосколью,
шли в деревеньку Россошь.
Мне велели тащить
мешок картошки:
тяжёлый —
а не бросишь.

Лежали в поле,
мимо шли немецкие части.
Ночевали в горелой школе.
Проснулась утром — а все кричат и
хватают свои вещи.
Я тогда потерялась
с картошкой вместе.

Пошла с другими.
Мешок отдала.
Картошку делили:
одну штуку — в одни руки.

Помню только картошку,
а вот людей, их лица,
их имена — забыла.

Нет, помню ещё собаку.
Когда по небу летели фрицы,
она выгибалась и выла.

VII. Настя

Стою на табуретке
в дедушкиной комнате.
Потому что наказана.
Мне стоять тут ещё полчаса.

Но я говорю волшебные слова:
слово на х,
слово на б
и слово *криблекрабле*.
Не вслух говорю, а про себя, ясное дело.

Слова превращаются
в зубчатые диски —
и вот они летят к дедушке.
Каждое слово будет теперь
циркулярной пилой
(видела такую у соседей на даче).

Дедушка, это не муха жужжит,
это слова
сейчас тебя срубят, как дерево.
Слово на х, слово на б,
слово *криблекрабле*.

А что я могу?
Не отправлять же их обратно
к себе в рот.
Я и так наказана.
Я на табуретке.

VII. Сестра

Блажен, кто служит зависти своей.
Чем выше восхищенье — тем чернее,
а белый — он давно уже не цвет.
И белый стих давно уже не белый,
от времени желто его лицо.

Блажен и ты, несчастный Ликомед,
собрат высокомерного Тесея.
И Моргiana, зубы сжав, стоит —
воистину, ужасна и блаженна.

И ты, сестра, любившая меня,
как самоё, как сорок тысяч, крепче —
и даже ты, сестра, и даже я
давно уже не сторожа друг другу.

VIII. Майя

Я кричу: не успела.
Ничего не успела.
Убегаю, а демон — вот он.
Догоняю поезд,
одна,
без паспорта, без вещей.
А Майя мне:
ничего-ничего, всё пройдёт,
я сыграю тебе на драконьем хвосте,
на рокочущем кото.

И не будет саднить, и не будет болеть,
ничего не будет вообще.

А я говорю ей:

ты видишь, Майя,

мой расклад не сыграл и мой козырь бит.

А она в ответ: лепесточек мой, понимаю.

Но ты только послушай, как чаша в руке,
как чаша гудит, гудит.

Всё-таки жадность у музыкантов —
не то что прочая жадность.

Это слёзы по цитре,

разбитой

много веков тому.

Это крик о поезде,

к которому приближаюсь,

и который снова уходит во тьму.

...она целует дудочку,

дудочку тонкую — ухватиться

можно ли за неё,

если ступаешь за край?

Но,

Майя, ты всё же попробуй,

сыграй на стебле цветка,

на крыле ископаемой птицы,

на ресницах младенца,

на крике моём,

летащем в бездну,

сыграй.